

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982 г.

дык, мы в полном праве утверждать, что покровителем города был Бог войны и победы Варатрагна, а изображение двугорбого верблюда (зооморфной ипостаси последнего) было оберегом города и одновременно его гербом. Такой вывод подтверждается рисунками престолов с подножьями в виде двугорбых верблюдов в настенной росписи из Варахши. Позже, судя по китайским источникам, таков же был герб города Бухары, ее оберег.

О. И. Смирнова

К МЕТОДИКЕ ПЕРЕВОДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

(«История Бухары» Наршахи)

В последнее время автор статьи занимался переводом интереснейшего мусульманского источника по Средней Азии Хроники Бухары, известного под названием Летописи Наршахи.

При работе над переводом внимание привлекли стилистические неровности, синтаксические и лексические различия языка источника, в частности его терминологии.

Аналогичные наблюдения были сделаны нами во время перевода Сборника Летописей Рашид-ад-дина (1247/8-1318 гг.) и при работе над другими историческими сочинениями. Что касается Сборника Летописей, то причина неоднородности персидского языка отдельных его частей объясняется разноязычностью и одновременностью использованных в нем источников, переводы из которых составляют их основу. Очевидно, так же обстоит дело и с другими неоднородными по языку сочинениями, в частности с Историей Бухары. Во всяком случае все они, как и Сборник Летописей Рашид-ад-дина, представляют собой компиляции из разных работ (таснифы). Составленные (саннафа) частично, а иногда и полностью из разновременных и, как правило, разноязычных трудов, они зачастую представляют собой своеобразную мозаику иногда четкого рисунка, иногда нет.

Перевод сочинений компилятивного характера имеет свои трудности, требующие от переводчика ясного представления не только о переводимом сочинении в целом, но и об его источниках и о методе их использования составителем. В этом отношении может быть показательной так называемая История Бухары Наршахи – первоклассный, на наш взгляд, образец персоязычной компиляции. В отличие от Свода Летописей эта компиляция вторичная и разновременная. Пояс-

ню свою мысль. Как известно, рукописи Истории Бухары содержат позднейшие редакции персидского сокращенного перевода арабоязычного сочинения Наршахи¹. Судя по этим редакциям, труд Наршахи принадлежал к числу историко-географических компилятивных сочинений, появившихся в мусульманском мире в конце IX в. и представляющих новую их форму, которую можно было бы назвать научно-популярной. В основной текст таких сочинений вставлялись разнообразные сведения и развлекательные рассказы, "облегчавшие" их чтение, предназначались же они для широкого круга образованных людей (адйбов)². И хотя эта новая форма в те времена многими не одобрялась, но именно она оказалась наиболее жизненной и не позже X в. закрепилась в среднеазиатской среде.

Посвященная Саманиду Нуху (943-954 гг.), История Бухары была написана Наршахи на арабском языке и поднесена им Нуху в 943 или 944 г. Ее перевод на персидский язык был выполнен в 1123 или 1129 г. по просьбе друзей ферганцем Кубави, несколько сократившим сочинение за счет "ненужных и нагоняющих скуку мест" и продолжившим его историческую часть. Одновременно он дополнил компиляцию Наршахи извлечениями из других сочинений, а также хадисами и вставными эпизодами и рассказами. Редакторы сочинения Кубави (Мухаммад, сын Зуфара, и др.), составившие (в том же XII в. и позже в XIII в. и в XIV в.) свои сокращенные варианты его Истории Бухары, в целом сочинения не меняли, а лишь последовательно дополняли его, по примеру Кубави, извлечениями из других письменных и устных источников, хадисами и рассказами разного происхождения, подобранными на определенные сюжеты. Эти добавления придавали разновременным редакциям Истории окраску, отражающую социальные тенденции редакторов. Поэтому принадлежность таких дополнений следует по-возможности акцентировать переводом.

Отсылки к разным авторам, которыми пестрит текст Истории Бухары, четко определяют дошедший до нас его персидский вариант, как компилятивное сочинение. Однако такие отсылки в ряде случаев опускаются составителями текста, и исследователи считают в этих случаях текст испорченным. Примером могут служить приводимые в Истории Бухары непосредственно друг за другом противоречивые известия о полулегендарной, но исторически реальной личности Муканна ("Покрытолицего") - вождя среднеазиатских "белоодежников". В действительности же эти известия представляют выдержки, тематически подобранные из разных источников (без отсылок). В таких случаях приводимые в компиляции сведения не надо стараться, как

это обычно делается, увязывать между собой логически. Наоборот, их противоречивость желательно подчеркнуть, хотя бы абзачными отступами.

Прямая зависимость языка Истории от источников заимствования зачастую очевидна. Перевод должен выявлять эту зависимость особенно отчетливо и приводить его к единой норме не нужно. Разновременные редакции отражают язык соответствующего времени. Естественно, что говорить об едином языке Истории Бухары, значительную часть которой составляют выдержки из разных сочинений, о единстве ее стиля, синтаксиса и лексики не приходится. В этом плане особо важны места Истории и компиляций вообще, содержащие личные наблюдения составителя оригинала, его переводчика и редакторов, вводимые в текст рассказы, записанные ими самими со слов своих информаторов, и т.д. Точность перевода в таких случаях крайне важна; отчетливо выделяются старейшие части сочинения, определяется лексика, принадлежащая разным источникам, "разнобой" их терминологии.

При этом важно зафиксировать переводом языковые особенности текста разных частей компилятивного оригинала, отнюдь не стараясь, скажем, разнообразить простоту (лаконичность) языка, кажущуюся скудость образов старейших его частей. По тем же причинам не следует стремиться к единству стиля перевода компиляции, что в итоге неизбежно создаст ложное представление об оригинале.

При "многослойности" текста компиляций, определяемой разновременностью ее источников, особое значение приобретает установление конкретного значения слова, определяемого контекстом (не словарями), и его русского эквивалента. Возьмем в качестве примера традиционное название глав в Истории Бухары — зикр. Ни одно из значений последнего, даваемых словарями, не раскрывает в данном случае конкретного его содержания. Исходя из собирательного значения слова з и к р — в арабском "воспоминание (о прошлом)"; "то, что содержит память", — передача его русским "памятные записи" представляется наиболее точным. И, действительно, такая передача названия этих глав в русских переводах средневековых сочинений, в том числе и в Истории Бухары, четко определит для читателя их структуру и содержание, составленное тематически и хронологически подобранными выписками из разных источников.

При компилятивном характере переводимого источника, скажем, той же Истории Бухары, особенно важной представляется отра-

ботка словаря источника в его терминологической части. Так, "разнобой" в его терминологии, который перевод обязан зафиксировать, не только помогает выявить характер компилятивности сочинения, а следовательно и степень ценности отдельных его мест как источника, но одновременно раскрывает эволюцию самой лексики. Поэтому для ориентировки читателя, в тех случаях, когда в переводе дается не сам термин, а его перевод (русский приближенный эквивалент) желательно, а при полисемантизме термина обязательно сопровождать его передачу транслитерацией, даваемой в скобках.

В этом отношении показательны два термина, употребляемые в Истории Бухары параллельно: *к у х а н д и з и к а д а*, оба в одном и том же значении "citadelle", причем первый из них характеризует старейшие ее источники. Приведем другой пример. В той же Истории Бухары для обозначения городских ворот употребляются, как и в первом случае, два разных слова *д а р и д а р - в ā з а*, также передаваемые обычно исследователями одним и тем же словом "ворота". Первое из них, т.е. *д а р*, в данном употреблении встречается только в старейших местах сочинения, в которых оно прилагается к воротам внутреннего (старого) города, т.е. доарабского, или его citadelle, тогда как второе — *д а р - в ā з а*, как правило, обозначает ворота пригородов и употребляется более поздними источниками нашей компиляции, причем оно же ими переносится уже и на ворота внутреннего города. Различают терминологически городские и пригородные ворота и ранние арабские источники, в частности географы. В их трудах первому из этих терминов, персидскому *д а р*, соответствует арабское *б ā б* "двери" (> "ворота"), второму, *д а р в ā з а*, — арабское *д а р б*, собственно "проход" (> "ворота"). Причем, оказалось, что при описании среднеазиатских городов ранние арабские географы, как и зависящие от них позднейшие, словом *дарб* называли не только ворота в стене (рабад), окружающей предместье, но равно и проходы или проезды, т.е. дороги, пролежавшие через предместье до того, как была возведена его стена. Фиксировать указанную разницу переводом необходимо. Для истории развития города она существенна. Первому из них — *д а р*, судя по тексту Истории Бухары, соответствует русское "двери", учитывая емкость этого обозначения, второму — *д а р в ā з а* — "ворота" (< "проем в стене") или "проезд" (т.е. дорога) в зависимости от контекста. Перевод термина должен сопровождаться его транслитерацией.

Без перевода в компилятивном сочинении должны оставаться "разновременные" термины, характеризующие источники его заимствования и вошедшие в научный обиход, скажем также, как падшах и султан, независимо от их терминологического (политического) значения.

Исключение представляют термины, характеризующие эпоху, такие, например, как с а р ā й (< согд. $\text{sr}w\gamma$), получившие как термин широкое распространение в Средней Азии саманидского времени. Принятый для него перевод "дворец" не отражает его новоприобретенного социального содержания, которому соответствует (почти адекватно) русское "двор" в старом своем значении, легшем в русском языке, как и с а р ā й в Средней Азии, в основу целого круга терминов соответствующего времени.

Для ранних персидских компиляций характерна в той или иной степени двуязычность, определяемая, в частности, методикой перевода с арабского на персидский (например, цитирование составителем компиляции первых строк своих источников), что иногда упускается из виду переводчиками и может привести к нежелательным результатам. Так, начало известного письма Муканны к дикханам Согда, цитированное в Истории Бухары, принято переводить "Я, Хашим, сын Хакима, такому-то от такого-то". Между тем, персидское местоимение "я" пишется так же, как арабский предлог "от", т.е. O (без огласовки). И если прочесть эту цитату по-арабски, а не по-персидски, как это делалось до сих пор, то первая фраза письма звучит совсем иначе, а именно: "От Хашима, сына Хакима. Такому-то от такого-то". А такова была, как известно, формула эпистолярного обращения согдийцев и уструшанцев, и именно она оказалась зафиксированной в одной из цитат Истории Бухары и не была отмечена исследователями ее текста. При работе над переводом компилятивного сочинения такую возможность надо всегда иметь в виду.

Итак, при переводе компилятивного сочинения прежде всего необходимо определить источники, использованные его составителем. Выдержки из них желательно выделить абзацами, что придаст переводу четкость и дополнительно зафиксирует (пусть внешне) степень и характер его компилятивности. По той же причине стилистические и другие неровности языка компилятивного сочинения переводом сглаживать нельзя, так как они принадлежат оригиналу и определяются его источниками. При двуязычности компиляции, текст на втором языке желательно выделять, например, курсивом.

Таким образом, основные требования предъявляемые не к филологическому переводу вообще, а к переводу компилятивного сочинения (таснийф) — максимально точная передача оригинала, фиксирующая особенности лексики, синтаксиса и стиля его источников в каждом отдельном случае. Иными словами, перевод компиляции должен стать для специалиста не востоковеда заслуживающим доверия хронологически раскрытым и документированным источником.

Изложенное отнюдь не претендует на полноту охвата затронутого вопроса, а ограничивается его постановкой.

¹ Подробней о редакциях Истории Бухары см. Н.Д.Миклухо-Маклай. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения, выпуск № 3, 1975. Исторические сочинения, № 386.

² К характеристике арабских компилятивных сочинений конца IX в., в частности, Истории Бухары Наршахи, см. Академик И.Ю.Крачковский. Избранные сочинения, т. IV, Арабская географическая литература, с. 156, 163-164.

А.Т.Тагирджанов

РУКОПИСИ ПОЭМ АТТАРА В СОБРАНИИ БИБЛИОТЕКИ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ

В рукописном фонде библиотеки Восточного факультета ЛГУ широко представлено творчество Фарид ад-Дина 'Аттара. Имеются списки поэм "Асрар-наме" 743/1342-1343 г. и "Хусрау-наме" (которого нет в собрании ЛО ИВ АН), два списка поэмы "Мусибат-наме", восемь списков поэмы "Панд-наме", девять списков поэмы "Мантик ат-тайр", отдельный список поэмы "Шейх-и Сан'ан", который хранится в комнате редкостей фундаментальной библиотеки ЛГУ, список сборника четверостиший 'Аттара и список поэмы "Исламия". Имеется список комментария к поэме "Панд-наме", написанного турецким ученым Шам'и. В собрании представлены также списки поэм, приписываемых 'Аттару — список поэмы "Джавахир аз-зат" и два списка поэмы "Булбул-наме", список "Бисар-наме", — написанных в действительности шиитским автором Фарид ад-Дин 'Аттаром Тунй, жившим в Мешхеде в XV в. Имеются два списка "Васлат-наме" другого шиитского автора Зайн ад-Дина Мухаммад ибн Ибрахим ибн Мустафа ибн Шабан 'Аттар Хамадани, убитого в 727/1326-1327 г.